

18+

Юрген Ангер

Краденое Солнце

Юрген Ангер
Краденое солнце

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ангер Ю.

Краденое солнце / Ю. Ангер — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Старая русская сказка в европейских декорациях 1767 года. Молодая дворянка, чтобы выручить мужа, попавшего в передрагу из-за собственной дерзости, переодевается в мужское платье и отправляется в столицу - знакомая история, не правда ли? По пути ей предстоит повстречать принца в изгнании, осквернителя могил и даже одного маньяка-убийцу - но люди и вещи не всегда то, чем кажутся.

© Ангер Ю., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Шклов, город зрелищ и приключений	6
Гера Копчик – принц в изгнании	9
Он вам точно не нужен?	14
Черный лоа и белый табак	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

*У тебя свой генерал, он скучает.
На что же нам с тобой сыграть?*

Шклов, город зрелищ и приключений

Кто из великих мыслителей, из полководцев, философов, художников, да хоть из знаменитых авантюристов, наконец, родился в городе Шклов? Да никто из них там не родился. Шклов знаменит разве что Адамчиком, легендарным «шкловским душителем», изловленным на болотах аж тридцать лет назад. И – увы... Год на дворе одна тысяча семьсот шестьдесят седьмой, а в Шклове с прославленными уроженцами по-прежнему негусто.

Так размышляла молодая пани Бача Сташевска, добродетельная свежеиспеченная супруга шкловского посессора Янека Сташевского. Сам Янек Сташевский, беспокойная душа, приобретал деловые знакомства в Дрездене и в Вене, а юная женушка брошена была дома – под надзором мамыши Сташевской и ее невыносимой компаньонки Мулли.

Бача с низкого крылечка час уже наблюдала за сближением, похожим на дуэль. Крышу сарая методично объедала коза, а забор и двери – свинья, и можно было делать ставки, когда и где их физиономии встретятся. О, город Шклов, ты богат на приключения и зрелища...

– Бача, дусенька, где вы изволите почивать – в доме или в беседке?

Из окошка, украшенного наличниками – словно из кружевной рамы – высунулись две похожие головы в чепцах. Агния Сташевска и Мулли Пунцель.

– В беседке, матушка, если позволите, – отозвалась Бача с дочерним смирением. Головы в окне переглянулись, и Бача в который раз представила соединяющую их веточку, как у вишен, с листком.

– Ночи холодные, замерзнете, дусенька, – пропела старшая пани Сташевска почти с предвкушением, и Мулли тут же дополнила картину апокалипсиса писклявым:

– Комарики...

– Спасибо за заботу, матушка, но я переночую в беседке, – мягко, но решительно отвечала Бача, и кивнула Мулли, – И вам спасибо, тетушка.

Девица Мулли скривилась на «тетушку», и головы спрятались.

В доме Сташевских по вечерам закатывались такие ужины – для непривычной Бачи это были просто лукулловы пиры, обжиралова в традициях Древнего Рима. После этих пиршеств Бача ощущала себя нафаршированной и предпочитала переживать последствия чревоугодия – не в спальне, по соседству с сеной девкой, спящей на сундуке, и свекровью за тонкой стеной, а в одиноко стоящей в саду застекленной беседке. У человека в этой жизни должно оставаться что-то личное, пусть даже это всего лишь кишечные колики.

Бача сошла с крылечка и отправилась гулять по саду. Сад Сташевских как-то незаметно и плавно переходил в огород. Впрочем, сад Сташевских – это громко сказано, Сташевские хоть и звались панями и гордились этим несказанно, были, в сущности, всего лишь посессорами господ Чарторижских, арендаторами хозяйской земли, в длинном ряду точно таких же шкловских посессоров, только жидов. Мельница стояла на их земле, и крошечный свечной заводик – о, Бача отхватила завидного жениха, вышла сразу за деньги и за имя... Листы ревеня колыхались до самого оврага, вдали стеклянно светился в сумерках Днепр, и за Днепром зажигались уже теплые огоньки Заречья. А как стонали цикады... Листы ревеня шелохнулись – под их сенью притаился беглый серый кролик. Бача подошла, бесшумно ступая, и стремительно схватила глупца под микитки – кролик весил, наверное, целый пуд. Пришлось нести бедолагу на место, в крольчатник – кроль свисал, как горжетка, но чуть что, готов был полоснуть неприятеля когтистыми и мощными нижними лапами. Бача втокнула беглеца и злюку в пустую клетку, отряхнула руки и бегом побежала к своей беседке – боялась темноты и в темноте – свиньи. Сумерки как-то мгновенно превратились в чернильную ночь, и на своде небесном заиграли звезды, а стрекот цикад сделался совсем уж мучителен и невыносим.

У беседки ожидала ее черная тень. К счастью, не свиньи – человека.

– Пани Бача... – шепотом проговорил ночной гость, и Бача узнала его голос. Петек, старый Яськин слуга. Отчего же ты, Петек, явился не в дом, а в сад, в беседку? Не к хозяйке, а к ней, к Баче?

– Петек, что? – Бача спросила, уже зная – что. Плохое.

– Вам нужно будет пойти со мною, пани, – все так же шепотом продолжил Петек, делая шаг из полной тьмы на дорожку, окрашенную теплым желтым, от неяркого оконного света садовой беседки, – Вам нужно сейчас же пойти со мною. Пан Янош просил... Я потом расскажу все, сейчас нам нужно спешить. Вы сможете быстро собрать вещи?

– Пожалуй, – отвечала Бача, – Янош с тобой? Ждет где-то?

– Нет, пани. Поторопитесь, я все расскажу, только сейчас – вам нужно пойти со мной.

Бача уже поняла. Шклов, кролики, листья ревеня, блестящий Днепр и огоньки Заречья, и вечерние Лукулловы пиры – все это не могло пребывать в ее жизни долго. Рано или поздно придет черный человек, как пришел он к их семье десять лет назад в Мадриде, и пять лет назад в Дрездене, и черный человек проговорит сочувственно реплику из своей черной-черной роли: «Вам нужно срочно уехать. Поторопитесь, пока они не пришли». Так уж в ее жизни заведено.

– Подожди меня здесь, Петек, – сказала Бача, – я возьму вещи и вернусь.

Она пробежала по темной дорожке, обогнула дом и остановилась под темным приоткрытым окном своей комнаты. Той, в которой все не жилось ей здесь, в Шклове. Бача подоткнула юбки, забралась на цоколь, подтянулась на руках и забросила на подоконник легкую ногу. Заглянула в темную комнату – услышал бог молитвы, никто на ее сундуке не спал, даже кошка не сподобилась. Бача нырнула в душную темноту, бесшумно прошла по комнате, откинула крышку – в сундуке собрано было ее приданое, вся ее прошлая, до-Ясика, недолгая жизнь. Рюкзачок с пожитками, мальчишечий наряд и нехитрая шляпа. По внезапному наитию Бача вынырнула из просторного своего домашнего платья и переделалась в мальчишечье – в темноте, наугад. Нагнулась, цапнула со дна сундука дорожную свою котомку, бросила платье поверх тряпья, прикрыла неслышно крышку, подумала быстро: «Как же ты без меня, матушка Агнета?» – и была такова.

Два всадника не неслись – кони были дрянь – но трусили по ночной лиственничной аллее, в облаке веселеньких белорусских комариков. Над деревьями старинной монетой восходила луна.

– И что я скажу моей пани, Петек? – озвучила Бача терзавший ее вопрос, – Ведь пани Сташевска меня с кашей съест, если ночью недосчитается...

– Погодите, паненка, вот до Заречья домчим, до гостиницы – и все расскажу, – пообещал печальный Петек.

– Домчим! – Бача шлепнула перчаткой своего одра промеж ушей, на большее не хватало у нее жестокости, – Доползем!

– Тс-с, – старина Петек прижал палец к губам и зачем-то вдруг потянулся и надвинул Бачину шляпу на самые уши, – молчите!

На другом конце аллеи показались две конные тени – сутулые, мрачные, безмолвные. Нет, не ночные ухари, скорее, гайдуки большого барина, спешащие по своим делам. Мимо Бачи и Петека двое промчались бесшумно и целеустремленно, как два призрака, пахнущие порохом, кожей и перегаром. Петек проводил взглядом – как скрылись они за поворотом, там, где светились окошки поместья посессоров Сташевских.

– Успели мы, матушка, – тихо проговорил Петек. Их кони-дряни уже цокали копытами по понтонному мосту через Днепр, – Увез я тебя, успел.

– За мной? Они были – за мной? – спросила Бача, хотя уже при виде черных гайдуков внутренний голос нашептал ей, что они – по ее, Бачину, душу. С ее-то везением... Петек молча кивнул.

– Не поедут вдогонку-то? А то ведь с нашими одрами – и догонят? – вслух подумала Бача.

– Хозяйка на час их займет, не меньше, – успокоил Петек, – а мы вот-вот и доедем.

Вот и они, огоньки далекого Заречья. Какими милыми и манящими казались они всего часочек назад, и как резали глаз они сейчас – точно звезды печального неба вечных изгнанников. Ну, и благородных безумцев.

В гостиничном номере Бача первым делом сорвала с головы шляпу – из-под шляпы темной волной рассыпались волосы. Петека она не стеснялась – глупо стыдиться рассыпанных по плечам волос, когда на пороге, возможно, война.

– Говори, Петек. Что с Яськой? Он жив? – это главное было, чтобы он оказался жив, потому что остальное кое-как еще можно исправить.

– Жив. В Вене, в гостях у барона фон дер Плау, – мрачно отвечал Петек, он стоял перед Бачей, и терзал в пальцах свои заскорузлые перчатки, от старости полностью уже повторяющие форму руки. Бача села верхом на стул, кивнула Петеку на другой стул – мол, садись тоже.

– Amoklaufer Фрици, – произнесла она, вспоминая, – Скандалист, грязный игрок, неумелый шулер. Яська играет с ним? Говори же! Я не стану больше перебивать, говори, Петек!

– Пан Сташевский сел играть с ним в Вене, в игорном доме Пуссенов, – Петек уселся на стул, но с перчатками так и не в силах был расстаться, все тербил их и не спускал с них глаз, – Потом поехали играть в дом барона, оба изрядно были уже навеселе. Пан Янош получил от барона расписку, заверенную нотариусом, но ему все было мало. Он расхвастался, как играл в Кенигсберге, какие были у него газарты. И он рассказал о вас, пани Бача, как вы тогда играли...

– Обо мне? – не стерпела Бача.

– Пан Янош похвастался, что жена его читает колоду через рубашку, и при каждой игре до конца доводит банк...

– Вот вруша!

– Барон взволновался, не поверил, что баба способна играть наравне с мужчиной, и велел гайдукам привезти к нему сей феномен. А когда пан Янош возмутился, барон попросту запер его у себя в подвале. И теперь пан Сташевский гостит в подполье у барона, гайдуки выехали за его женою в Шклов – да мы их видели, – а я должен доставить вас к вашему почтенному батюшке. Потому что иначе мне вас не защитить.

– Еще бы, меня жаждет видеть сам Безумный Фрици, – Бача тряхнула волосами, – Теперь он еще и Любознательный Фрици. Это Янош велел тебе отвезти меня к отцу?

– Ему удалось передать для меня записку, – отчего-то замялся Петек, – Племянница барона очень милая девушка...

– Узнаю Яську, – усмехнулась Бача, – Ты же понял, что ни в какой Кениг мы с тобою не едем? Никакого моего папи – папи сбыл меня с рук и вряд ли пожелает видеть снова.

Бача подняла с пола свой рюкзачок, покопалась в нем и вытащила ножницы в кожаном чехле, и по всем правилам, кольцами вперед, протянула старине Петеку:

– Обрежь мне волосы, друг мой. И постарайся, чтобы вышло – ровно по плечи. У меня не получится до самой Вены прятать их под шляпой.

Гера Копчик – принц в изгнании

Это была, несомненно, опасная авантюра – выехать верхом, вдвоем, всего лишь с пистолетами на поясе и с жалкой Бачиной дворянской шпажонкой. У Петека был еще нож, но это и вовсе в пользу бедных. При первой возможности путешественникам следовало бы присоединиться к другим подобным им скитальцам, направляющимся в Варшаву или в Вену. Но где взять таких – пока никто не встречался. Бача продала свое помолвочное кольцо, и в Бельнычах кони-дряни с успехом сменились на двух вполне горячих скакунов. Петек сидел в седле мешком – увы, преодоленный путь обходился ему дорого, в таком-то возрасте.

– В Варшаве я сяду играть, и у нас будет карета, – пообещала Бача. Она почти не говорила со своим спутником, не о чем было. И потом, нужно было придумать – что делать, как действовать, как извлекать из баронского подвала дурака-мужа. «Хотя бы никто не умер» – утешала себя Бача. Никто не умер, не холера, не сифилис, не инквизиция. Уже хорошо – с ее везением.

Бачина прежняя, девичья фамилия была Оскура. Испанка, да. Детство ее прошло в Мадриде – городе, похожем одновременно на мохнатый персик и пыльный мешок – так говорил почему-то отец, Джироламо Оскура, церковный органист. Математик, мошенник, игрок. Днем его ловкие пальцы парили над клавишами, извлекая из громоздкого величественного инструмента летящие к небу гимны, а ночью Джиро Оскура набрасывал черный плащ и отправлялся играть – уже не на органе, в карты. Мать, Тереса Оскура, в девичестве звалась донья Доранди-Эскобар, у нее, как у побочной, но признанной дочери дворянина было пятнадцать имен, пятнадцать святых покровителей. И ни один из них не защитил от замужества с Джиро Оскура, математиком, мошенником и ночным игроком.

Мать не могла разве что играть на органе – в детстве переиграла руку на благородных клавикордах. В математике и картах она разбиралась не хуже мужа. Математике ее обучал знаменитый Дель Сото, позже умерший в подвалах инквизиции от собственного яда. До того, как Джиро Оскура похитил ее из родного дома, Тереса успела изучить алгебру, латынь, греческий, фехтование и верховую езду. Последнее – в совершенстве, вплоть до фигур над землей. Бача не умела фигуры над землей, но благодаря урокам матери хотя бы держалась в седле – неплохо для простолюдинки, мещанки, безродной выскочки. Если лошадь сбросила тебя – тут же садись на нее снова. Пусть платье в крови – главное улыбка на устах. Мать носила черное, может, для того – чтобы кровь была не видна? Бача помнила платки, пропитанные чахоточной кровью, и холодное безразличие матери – к собственной болезни, к скорой смерти, к безумствам Джиро Оскура, язычника, мошенника, игрока. Даже если проиграл – держи лицо и улыбайся. Тереса проиграла однажды жизнь, протянув неосторожно руку Джироламо Оскура, но в карты она выигрывала у Джиро всегда. Профессоре Дель Сото часть уроков своих объяснял при помощи карточной игры, а математика как-никак посложнее, чем шулерские фокусы. Тереса выигрывала у мужа без фокусов, они были ей и не нужны, она просто читала колоду через рубашку, как гипнотизер читает ваши мысли. Впрочем, Тереса почти не играла с мужем. Джиро набрасывал свой черный плащ и шел в игорный притон. Тереса сидела дома. Она играла – с Бачей.

Первый черный человек пришел к ним, когда Баче было одиннадцать. Он был друг, а вовсе не ангел смерти, и явился, чтобы предупредить семью Оскура о скором визите псов святейшей инквизиции. Это Баче запомнился он – черным чудовищем, ломающим прежнюю жизнь напополам. «Вам нужно срочно уехать. Поторопитесь, пока они не пришли». А так – хорошо, конечно, когда есть верные друзья, способные предупредить об аресте. Молодец, Джиро Оскура. Молодец... Инквизицию заинтересовал не Оскура-игрок, не Оскура-математик, не Оскура-отравитель или мошенник. Оскура-язычник, мало ему было всего остального.

Кто-то донес, что церковный органист тайно поклоняется кумирским богам, даже не еврейским, а каким-то и вовсе науке неизвестным. О да, святые отцы были весьма заинтригованы. В ту же ночь семейство Оскура навсегда оставило Мадрид, похожий на пыльный мешок. Под капюшоном черного плаща на физиономии Джиро горели четыре параллельные царапины – следы когтей благородной супруги. Еще и язычник, мало ему было всего остального, идиоту.

В Дрездене Джиро играл – на органе и в карты. Тереса учила дочь танцевать менуэт, фехтовать, преодолевать на коне невысокие препятствия. Латынь и греческий никак не желали покоряться – то ли Тереса не умела преподавать гуманитарные предметы, то ли Бача была такая тупоголовая. Тело слушалось ее, а разум – желал спать. Впрочем, математика давалась Баче вполне, и карточные примеры профессоре Дель Сото были ей понятны. По вечерам мать и дочь садились за карты – и Тереса, как и всегда, выигрывала. Долгие спокойные вечера, рассказы матери о доме Дорадо-и-Эскобар, к которому Бача, увы не имела уже никакого отношения, и забавные придворные присказки, принесенные когда-то в клюве доном Дорадо из Эскуриала. Чулок должен быть туго натянут, даже если он порван. Вот к чему это? Бача выбросила бы такой чулок, зачем его, порванный, вообще носить?

Джиро доигрался и в Дрездене – и снова не в карты. Продал принцу Курляндскому лошадь, в фальшивых яблоках, искусно вытравленных на шкуре луковым соком. Додумался. Принц Курляндский был, конечно, канонический болван, мечта всех мошенников, но начальник его охраны оказался персоной суровой и мстительной. И снова – доброжелатель в черном, «Вам нужно срочно уехать. Поторопитесь, пока они не пришли». И четыре царапины на физиономии Джиро Оскура – на этот раз на другой щеке. В карете до Кенига Тереса один за другим прижимала к губам белые платки – и все они постепенно окрашивались красным.

В Кениге мать умерла. Только тогда Бача поняла – как любил Тересу бестолковый и взбалмошный Джиро Оскура, как боготворил он свою благородную донью, свое краденое солнце. На отпевании он казался совсем маленьким и хрупким, как черная запятая. Бача впервые увидела отца не глазами матери, а своими – без привычного раздраженного осуждения, и ей стало его жаль. Без Тересы блеск его померк, словно осыпалась золотая пудра с волос старого царедворца, и видны сделались проплешины и швы некогда роскошного парика. Отец перестал быть – мошенником, отравителем – наскучило. Некого стало злить. Он играл на органе в церкви Альбертины, и по ночам – в карты, потому что жить-то на что-то надо. Кумирские боги скучали в тайной комнатке на своих алтарях, задрапированные цветными шелками. Не стало доброй католички, что так на них гневалась. Бача беззлобно и даже с симпатией смахивала с них пыль – папа Огун, папа Легба, мадре Эрзули Фреда, барон Самди... Добрые папенькины помощники. В Кениге Бача смотрела за домом и время от времени заменяла отца за органом, когда он делался болен и лежал с пиявками на висках. В Кениге Джиро часто делался болен – с тоски, от скуки. Бача жалела отца, сочувствовала ему, забывая в детской своей наивности, что Джиро не из тех, кто что-то упустит. Если можно что-то продать – он непременно это продаст.

Тереса научила Бачу играть – почти как играла сама, на ее беду. Джиро не сразу понял, какое оружие получил он в свои руки, а когда понял – расцвел. Милая Бача, послушная дочь. Отрада безутешного отца. Бача и оглянуться не успела – как уже сидела в игорном доме, в студенческом мундире и черной полумаске, возле торжествующего отца, банкир перетасовал колоду, дал срезать, и у нее была последняя рука, и карта шла, и к финалу игры Бача осталась в плюсах. Джиро перепал в наследство от его любимой доньи – идеальный партнер для игры, покорный, безропотный и весьма искусный. Нужно было разве что следить, чтобы Бача не растолстела, и как можно дольше продолжала с изяществом носить свой студенческий мундир. Когда они начали – ей было шестнадцать, и девочка была палка палкой, но кто же знает, когда природа возьмет свое.

Это была забавная игра природы. Как барышня Бача была так себе, костлява, невыразительна, лишенная напрочь воздушности и зовущей пышности. Нос – на семерых рос, да еще

впридачу и этот неправильный испанский прикус, как у ламы. Бюста нет, руки слишком тонки – такие руки только прятать под шалью. И бедер нет, никаких, и ноги, как лягушачьи лапки – Тереса, бедная, все сетовала – кто такое возьмет, как пристроить замуж подобную дурнушку, да еще без приданого, дворняжку, мещанку... А вот кавалер из Бачи получался – загляденье, красавчик, конфетка. Когда шли они с отцом по вечерним улицам на свою охоту – барышни сворачивали шеи, такой это был студент – изящный, как куколка, большеглазый, стройный, легкий, с божественным профилем. Игра природы... В игорных домах немногие знали, что Бача не сын, а дочка, и девки с разбегу аж вешались – на глазастого утонченного кавалера. Бача только успевала их от себя отряхивать – как арестант вшей. Один остзейский дворянчик с дурными наклонностями преследовал «прекрасного юношу» весь вечер, все приглашал пойти немедленно в нумера, за любые деньги, руки целовал, на колени падал – пока не получил от Джиро по шам.

А потом появился и Яська. Бача иногда приходила на лекции как вольный слушатель, благо мундирчик у нее был и неплохо на ней сидел. Латынь и греческий, что никак ей не давались на материнских уроках, здесь, в Альбертине, преподавали так, что Бача наконец-то стала их понимать. У Яноша Сташевского, богатого польского паньча, проплачен был курс, и на лекциях они с Бачей оказались рядом, на одной скамье. Два мрачных гордеца со склонностью к азартным играм. Маленький испанец Базиль Оскура и белокурый высокий Янош Сташевский, с головой, занесенной высоко, с улыбкой змеи и осанкой принца крови. Яноша чем-то заинтересовал его миниатюрный нелюдимый сосед, он заговорил с ним первый, подсел поближе, склонился к самому уху, и запел, как сирена. И опять, черт все побори – Бача и оглянуться не успела, как они сидели рядом в игорном доме, и у нее была первая рука, и карта шла, и к финалу игры Бача осталась в плюсах. Джиро за соседним столом смотрел с одобрением – на новую, богатую жертву. Янош плохо играл, и не умел останавливаться, и совсем не видел берегов. О, Джиро он очень нравился. И только у Бачи отчего-то дрожали руки. Нет, она не стала хуже играть, и по-прежнему машинально просчитывала, что ей выпадет, и как пойдет дело – просто дрожали руки. Дурное предчувствие, не иначе. Она пожалела тогда Яську, дала ему отыгаться – чтобы он пришел потом еще. И дома она зажгла свечку для мадре Эрзули Фреда, так ей захотелось опять его увидеть.

Он был добрый католик, Янош Сташевский. И в другой раз он увидел Бачу – в церкви, за клавиатурой органа, в женском ее обличье, с высокой прической и в розовом платье. Бача решила – сбежит, но глаза его вспыхнули, как у кота в ночи. Янош Сташевский не сбежал. Янош Сташевский обвенчался с Бачей Оскура в этой самой церкви, через две стремительные недели. Семейство Сташевских было категорически против, а Джиро Оскура – очень даже за, оттого, что он все просчитал, и плюсы от неожиданного брака перевесили в его расчетах все неизбежные минусы. Так Бача и потеряла себя – ненадолго, а сейчас, похоже, все опять возвращалось – на круги своя. Круги ада...

Они приближались к Волковыску, и чувствовалось, что кони уже устали. Петек, старый бедолага, тоже как-то подозрительно свешивался из седла. Следовало отыскать постоянный двор, чтобы кони смогли отдохнуть, а путешественники – наконец-то вытянуть ноги. Баче делалось стыдно, что она втравила старину Петека в свое, с позволения сказать, приключение.

– Тебе следовало оставаться в Шклове, Петек, – сказала она, глядя на пепельно-серого своего спутника.

– Пан Янош велел мне оберегать вас, – напомнил Петек. Бача лишь фыркнула – заботливый Яська, вольно ему оберегать супругу из подвала Amoklaufer Фрици.

Волковыск оказался названным братом города Шклов – такие же лопухи на обочинах, и церковь с тонкошейей колоколенкой, и беленые домишки с добродушными простецкими физиономиями. На постоялом дворе для них отыскалась лишь общая комната на шестерых. Нет, был,

конечно, и отдельный, так называемый губернаторский номер (не иначе, в Волоковске все надеялись на визит господ Чарторыжских), но с деньгами, оставшимися от продажи Бачино колечка, им выпадало лишь два спальных места на общей шестиспальной кровати.

По счастью, в номере у них был только один сосед. Сосед этот с любопытством наблюдал, как два скромных и опрятных господина заходят в номер, без багажа, и на лице его было написано – «эх вы, нищета нищеводная».

– Герасим Василич Прокопов, – по-русски представился старожил. Было ему за тридцать, одет как приказчик, лупоглазый, лысеющий кудряш.

– Базиль Оскура, – Бача чуть склонила голову, и подвитые темные букли дрогнули на ее висках, – и мой слуга, Петер. Будем знакомы.

– Ого, испанец! – подивился непосредственный сосед, – Небось издалека добираетесь!

– Из Шклова, – кратко ответила Бача, давая понять, что на этом стоп, разговор дальше не пойдет. Впрочем, сосед и не думал расспрашивать дальше, уселся в кресле и развернул газетный листок. Грамотный. Он читал, лишь шевеля губами, а не по слогам и вслух, и, сам того не ведая, в Бачиных глазах поднялся на ступеньку выше.

Петек прилег на край кровати и прикрыл глаза. Он сделался совсем уж воскового цвета. Бача надеялась, что хотя бы после ужина ему станет лучше. А сейчас она кликнула полового и попросила принести воды для умывания – чтобы выйти к ужину хотя бы с чистым лицом. Половой явился с кувшином и тазом, Бача ополоснула лицо, обтерлась шершавым сомнительной чистоты полотенцем и взглянула на свое отражение в маленьком зеркальце. На посветлевшем лице отчетливо проступили темные глаза и брови, прежде припорошенные дорожной пылью.

– Скажите, милостивый государь, а можно ли в Волковске где-нибудь в карты сыграть? – спросила Бача у соседа с ленивой, барственной интонацией. Тот поднял голову от газеты и смерил оценивающим и любопытным взглядом красивого господинчика:

– У Паливцов играют. И девочки там есть, если вас интересует. Я всегда у них играю, как бываю здесь проездом. Купец я, коробейник, – господин Прокопов кивнул на ящик, прислоненный к стене, – А вы, любезный, кем будете? Никак, студент?

– Угадали, – Бача кивнула, – студент-медик.

– Есть тут один, в Волковске, медик, – отчего-то недобро усмехнулся господин Прокопов, – да бог с ним. Вы гранд, наверное, испанский?

Простецкий он был парень, судя по всему, и наглый, этот Герасим Василич. Бача ответила легко и дружелюбно:

– Господь с вами, не все испанцы гранды. Оскура испокон веков отворяли кровь или составляли завещания, в нас и капли нет благородной дворянской крови. Я и не видел никогда живого гранда, разве однажды, да и то не испанского. Отец мой имел честь выбирать коня для принца Курляндского, и вот этого светлейшего господина я единственного и видел. Поистине небогато.

– Какого принца – Карла или Петера? – вдруг уточнил господин Прокопов.

– Младшего, Карла, – вспомнила Бача бледного, женственного ломаку-принца. Она была тогда в своем студенческом, как мальчик, и принц не сводил с нее внимательных подведенных глаз.

– Братец Карл, – с горестной фамильярностью отозвался Герасим Василич, – А ведь признал бы меня герцог, старый черт, и я бы мог коней выбирать. И арабской породы, и испанской.

Бача обернулась к нему от окна – кто он, опасный безумец? Или так, дурак? Коммивояжер, тайный брат светлейшего принца Карла.

– Да, представьте себе, я его сын, старого герцога, – насмешливо проговорил Герасим Василич, поймав недоуменный Бачин взгляд, – Байстрюк, конечно. Нет, всем я это не расска-

зываю, но вы, господин Оскура, случайный попутчик, мы сыграем с вами в карты и наутро расстанемся навсегда. Хочется же хоть с кем-то поделиться, тем более, вы знакомы с Карлушей.

Бача молчала, изумленно подняв брови, и думала – славная подобралась у них в Волковыске компания.

– Гера Копчик, принц в изгнании, – Герасим Василич шутовски поклонился, и кудри его взлетели, – Что-то паладин ваш тихо лежит, толкните-ка его, он, похоже, не дышит.

Бача шагнула к кровати и склонилась над Петеком – тот и в самом деле лежал тихий, бледный, с заострившимся синим носом. И не думал дышать. Бача трянула его – голова качнулась и свесилась набок.

– Дай сердце послушаю, – принц Гера Копчик был тут как тут, раскрыл на старом слуге кафтан и приложился к груди ухом, – Нет. Не бьется. Помер.

Бача бессильно сползла на пол, села на попу, опершись спиной о столбик кровати, и закрыла лицо руками. Она не плакала, просто оцепенела. Что делать ей дальше? Что делать с телом, в конце концов? Теплая ладонь легла на ее плечо:

– Не плачь, красавчик.

Бача подняла лицо – с сухими глазами – принц Гера Копчик смотрел на нее сверху вниз, дружелюбно и с сочувствием:

– Родные есть у него?

– Вроде нет, – постаралась припомнить Бача, – он вдовец был, родители умерли, детей нет. Мне нужно как-то хоронить его, и позвать, наверное, полицмейстера или попа.

Бача вспомнила, что по документам она дама – то-то обрадуется полицмейстер.

– Полицай тут злющий, до денег жадный, скажет – вы сами и убили, и немедленно в острог, – просветил Герасим Василич, – А таких, вроде вас, содомитской наружности, и вовсе на дух не переносит. У него сынок с таким щеголем в Амстердам сбежал.

Бача смотрела на него снизу вверх – не верила почти ничему, но все равно боялась. Но тайный принц, кажется, что-то собирался ей предлагать – оттого и пугал.

– Послушай, красавчик, – сказал Герасим Василич, – Могу я тебя выручить. Он же, выходит, не нужен никому? – тайный принц кивнул на серого безжизненного Петека. Бача старалась на Петека и вовсе не смотреть, боялась.

– Только мне, – сказала она тихо.

– И тебе – одна обуза, – резюмировал цинично ее собеседник, – Я вот что предлагаю.

Он сделал паузу и поднял указательный палец:

– Есть тут, в Волковыске, врач один. Хирург. Черным копателям деньги платит, чтобы мертвецов раздобыть. Нужно ему, для науки. Ну, ты меня понял. Завернем деда в мешок, и снесем к нему – не только не потратишься, еще и заработаешь. Я сейчас к нему метнусь, чтоб ждал, и мешок заодно у него прихвачу. Вот только пускай сперва на ужин позвонят – что еду-то пропускать, раз заплачено, – как ни в чем не бывало улыбнулся Герасим Василич, – Ну что, согласен, красавчик?

Бача кивнула. Тайный принц расцвел еще пуше, протянул ей руку и помог подняться с пола:

– Ты, главное, не трясись и не ссы. Прорвемся.

Он приоткрыл дверь, выглянул в коридор – в губернаторский номер заносили чью-то поклажу, нашелся, видать, миллионщик и на эту роскошь.

– И я бы мог, если бы... – начал было сетовать тайный принц, но речь свою не продолжил. С первого этажа раздался трезвон колокольчика – гостей созывали на ужин.

– Надо есть, раз деньги плочены, – Герасим Василич всунулся в комнату обратно и прикрыл дверь, – деда запрем, чтоб никто не трогал, поужинаем на славу, и потом – ага.

Бача только кивнула, совсем очарованная его невозмутимостью и жизнерадостным цинизмом.

Он вам точно не нужен?

За ужином сидели они втроем – чуть позже спустился из своих губернаторских апартаментов и новый постоялец, «миллионщик», как назвал его остроумный Герасим Василич. Кристиан фон Диглер смотрел на соседей, деливших с ним трапезу, как на низших существ, вернее даже, смотрел сквозь них, брезгливо отправляя в рот ломтики мелко нарезанного антрекота. Был он бледен, невзрачен, словно вымоченный в щелочи, со стеклянными прозрачными глазами и пепельной гривой, небрежно собранной в хвост нехитрого «катогэна». Бледная и надменная моль – только перстни на точеных ухоженных пальцах могли выдать в нем «миллионщика», наряд же был категорически прост и потрепан.

– А слуга ваш не выйдет к ужину? – спросила у Бачи хозяйка.

– Болен, спит, – отвечала Бача, и колени ее под столом задрожали. Тайный принц Прокотов тут же ободряюще толкнул Бачу под столом ногой и промолвил:

– Не волнуйтесь, хозяйюшка, мы ему отнесем.

Кристиан фон Диглер завел горе свои прозрачные остзейские глаза, и на лице его читалось, как в книге: «О презренные свиньи, жрущие в номере!»

Герасим Василич и в самом деле прихватил с собою в номер пирог с рыбой и кружку пива – «а что, деньги-то плочены». В номере он поставил снесь на подоконник, прикрыл покойника покрывалом, чтобы Бача не пугалась, и сбежал – договариваться. Бача опустилась в кресло, взяла газету. Сумерки сгущались, но у окна буквы еще было видно. Газета рассказывала про то, как прусский король посетил в Берлине новую церковь, и про то, что граф Фридрих Казимир фон Левенвольде получил какой-то почетный чин или орден – в сумраке не разобрать – в городе Темишоары.

Бача судорожно вздохнула – не то чтобы она прежде как-то определенно представляла себе свой путь до Вены. Когда решилась ехать – думала: «Беги, а куда – сердце само подскажет, ты, главное, беги». Проклятый Джиро Оскура, это его кровь. Бача думала явиться к Фрици фон дер Плау, возможно, сесть с ним играть – где он там в Вене играет, или просто действовать по наитию... Она не знала, не знала, как собирается поступать – но ты беги, не останавливайся, сердце подскажет тебе, куда бежать...

– А вот и я! – в дверь просунулась голова тайного принца, а потом и весь он зашел, с мешком в руках, – Не грусти, красавчик! Ждут нас, давай, помоги мне, – и Герасим Василич, не раздумывая, развернул покойника от покрывала и ногами вперед стал толкать в мешок, – Да подними его, что ты ждешь?

Бача трясущимися руками подняла середину негнущегося тела, и сообщник ее споро, явно не в первый раз, натянул на труп мешок и мешок завязал веревкой:

– А теперь понесли! Ты голову, я ноги. Мне врачешка наш на радостях телегу выдал, ждет внизу. Он сам не свой стал, как услышал, что покойнику и дня нет, – весело и бодро Герасим Василич подхватил тело за ноги, кивнул Баче, та взялась за плечи, что ли, – Ты же сам лекарь, что же ты трясешься? – удивился Герасим Василич.

– Я только начал учиться, – пояснила Бача блеющим голосом, – Как же мы понесем, там в гостинной люди?

– Да спят они все, как куры – стемнеет, и все уже на боковую, – беспечно пояснил тайный принц, – правда, шел я сюда – повстречал в коридоре миллионщика нашего, фон Диглера, тот в шляпе, с тросточкой, и на меня смотрел как на говно, а сам небось туда же, к Паливцам, других-то мест у них нет.

Герасим Василич приоткрыл дверь, выглянул, махнул рукой – и они понесли. По коридору, по лесенке, по полутемной гостиной – на улицу, на телегу, и сразу же под рогожу. Герасим Василич уселся на телегу, взял вожжи, цокнул:

– Нно! – и кивнул Баче, – Запрыгивай, красавчик!

Бача села на край телеги – выходит, покойнику в ноги – и телега поехала. Милейший городок был Волковыск, особенно в темноте, и хорошо, что быстро закончился, и телега выехала на окраину. В дороге Герасим Василич болтал ногами и даже пел – такой он был оптимист. Бача все пыталась унять скачущее сердце – ей мерещилось, что из темноты вот-вот вышагнет по их душу полицейский патруль.

– Вон гнездилище его, – тайный принц кивнул на беленый скромный домик, – А вон и он сам, ждет, трепещет, не терпится ему, душегубу.

– Отчего душегубу? – не поняла Бача, ведь лекарь извлекал мертвых из могил, а не резал их на большой дороге.

– Оттого, что из-за жадности своей люди грех на душу берут, – отчего-то зло ответил Герасим Василич, – Лекарь за свежих вдвое платит, вот и делает ему кое-кто... свежих...

Бача поняла, что не так далека она была от истины с большой дорогой и, возможно, спутник ее тоже был в этом деле не без греха. Доктор встретил их у калитки – лысый, рослый, больше похожий на мясника. В темноте не очень-то видно было, каков он, но, похоже, такой и сам мог по ночам промышлять. Он глянул вскользь на Бачу, сунул нос в мешок, раздул ноздри, принюхиваясь, и сказал удовлетворенно:

– Славно, Гера. Возьми ноги, мы сейчас вдвоем в подпол его оттащим, на лед.

Гера подмигнул Баче, подхватил покойницкие ноги, лекарь взялся за верхнюю часть тела, и втроем скрылись они за калиткой, в кустах акации. «Прощай, Петек» – с тоской и стыдом подумала Бача. Но со своей нищетой она могла предложить покойному слуге разве что общую могилу – а намного ли это лучше? Бача спрятала лицо в ладони и так сидела, пока не вернулся ее непризнанный принц. Герасим Василич вынырнул из куста:

– Слезай с телеги, красавчик, она не наша, – напомнил он и вложил в Бачину руку серебряную монетку, – Все по-честному, не обсчитал.

Бача прыгнула с телеги, и лошадь махнула в темноте хвостом, отгоняя гнус.

– К Паливцам? – напомнил неунывающий принц, – Ежели ты не хочешь, то иди в гостиницу один. Я-то к Паливцам, играть теперь есть на что, и я своего упускать не желаю.

Герасим Василич вприпрыжку устремился по темной улице, и Бача волей-неволей поспешила за ним. Она устала и хотела спать, и играть ей давно расхотелось, но в незнакомом городе ночью идти одной было страшно. Город Волковыск в темноте был в точности как город Шклов, с такими же лопухами на обочинах, зонтами борщевика и кособокими белеными домами. И здесь, наверное, как и в Шклове, шныряли по ночам лихие ребята и бродили прожорливые загулявшие свиньи. И свиней Бача боялась куда как больше.

– Для чего лекарю покойники? – спросила Бача своего спутника, и веселящийся принц ответил:

– Изучает он течение жизни, отчего люди умирают, отчего живут. Книгу пишет, хочет в Сорбонне издать. В Париже его бы давно на костер, а у нас – беззаконие, раздолье. Дал полицмейстеру на лапу – и гуляй.

– Так он француз? – удивилась Бача.

– Не, из жидовинов, – отвечал Герасим Василич, – но родом откуда-то оттуда, из Марселя, что ли.

Бача хотела спросить еще, почему ее спутник считает себя сыном герцога, но тут Герасим Василич остановился под слабо горящими окнами, задернутыми плотной шторой, и произнес громовым шепотом:

– Приплыли. Вот они, Паливцы.

Он постучал в окно – трижды, причудливой трелью, и за руку втащил Бачу на высокое крыльцо. Дверь приоткрылась, высунулась голова, щедро одаренная усами:

– Гера! Копчик! Что за крендель с тобою?

– Племянш мой, – Герасим подмигнул Баче, – привел вот, жизнь показать.

Дверь открылась шире, они вошли. Здесь было светлее, чем могло показаться с улицы.

– Йонка Паливец, – представил Герасим Василич хозяина игорного дома, – друг мой лучший, мы с ним вот так, – и принц показал два прижатых друг к другу пальца.

– Базиль Оскура, – Бача поклонилась, как настоящий испанский гранд, взмахнув шляпой, и Паливец рассмеялся:

– Гишпанец? Ну, силен ты, Герка! Пойдемте, гости, рассажу вас, как раз за одним столом у меня только двое. Только не взыщите, спектакль сегодня у нас...

Паливец поманил их за собою. В гостиной, где никто в карты не играл, зато девица бойко брэнчала на клавикордах, полукругом стоял народ – два купчины, две девочки и прапор – и все с интересом наблюдали «спектакль». Возле клавикордов, опираясь на них рукою, возвышалась, покачиваясь, пьяная в дымину белокурая бестия со свежей отметиной от канделябра на лбу. Бестия пела. Со лба стекала певуну на лицо тонкая струйка крови, волосы стояли копной, как нимб над мадонной, и в мертвенные, стеклянные глаза словно гляделся дьявол. Хорош, мерзавец... Певец помогал себе петь, дирижируя холеной изящной лапкой – Бача только по лапке с перстнями его и узнала. Надменный миллионщик из губернаторского номера.

«Universelle große Liebe... mein magisches Spielzeug in der Leere...»

– Вот-вот уберем-с, – посулил гостям Паливец.

Бача невольно – все же нужно ей было спать ложиться, а не идти играть – засмотрелась на поющего «миллионщика». Встала к нему в опасной близости. Забыла от усталости, какое действие ее испанская красота в мужской ипостаси производит на некоторых содомитов. Пьяный певец остановил на глазастом темноволосом кавалере свой жуткий стеклянный взор, качнулся, не переставая горланить, и сделал дерзкое поползновение. То ли обнять, то ли вовсе одарить поцелуем. Он весь подался навстречу, так и прыгнул – к сказочному красавцу, и даже успел уже дотронуться до рукава, и почти коснулся губами волос... Принц Гера не растерялся, осадил наглеца – пятернею в лоб:

– Ишь, разгубастился! Миллионщик сраный, – и за руку увел оцепеневшую Бачу в соседний зал.

– Уберем-с, – пообещал еще раз Паливец. К дебоширу спешил уже молодчик в русском платье, закатывая рукава. «Миллионщик» стоял с потерянным видом, больше не пел, провожал алчным взглядом исчезающего в соседнем зале красавца.

В другом зале играли в «двадцать и один», Бача еще подивилась утонченности волковысских вкусов. Паливец усадил их за стол к двум другим игрокам и умчался разбираться с певцом-дебоширом. Как только начали раскидывать колоду на старшую карту, и банкир – Бача сидела от него слева, и у нее выходила последняя рука – дал ей срезать и раздал карты – все, кавалер Базиль Оскура проснулся. Кончились и усталость, и сонливость, глаза открылись и всю следили за игрой. Так старый, больной актер, как только загримируется и шагнет на сцену, забывает о своих болезнях и несчастьях, играет, бедняга, до самого антракта, и уж в антракте – помрет. Так и Бача играла, вернее, играл за нее красавец Базиль Оскура, и опять, стервец, остался в хороших плюсах. У принца Геры аж глаза раскрылись – кого привел он с собою за стол. Сам Герасим Василич свой ночной заработок продул. Продулся, засобирился, и Баче пришлось вставать из-за стола вместе с ним, чтобы вместе и дойти до гостиницы.

– И все в Гишпании вашей так играют? – интересовался усатый Паливец, провожая гостей. В сенях здоровяк в русском платье подал Баче ее шляпу, а Герасим Василич спросил у него:

– Что, Петруха, выдворил немца? Того, что песни пел?

- Сам он ушел, с солдатом под ручку, – отвечал честный малый, и от смущения зарделся.
 - Universelle große Liebe, не кот начхал, – прокомментировал ехидно Герасим Василич.
- Они с Бачей вышли на темную улицу, и принц тут же спросил:
- И где ты так играть выучился? Правда, что ли, в Гишпании своей?
 - Гувернер выучил, когда математику мне преподавал, – соврала Бача и зевнула, – А ты, Герасим Василич, – отчего ты зовешь себя герцогским сыном?
 - Думаешь, вру? Мать моя была камеристкой у супруги его светлости, а герцог был господин любознательный, ни одной новой юбки не пропускал. Так я на свет и появился...
 - А разве герцог – Василий? – удивилась Бача, – Он же вроде немец.
 - Отчим мой Василий, – усмехнулся принц и сверкнул на Бачу в темноте своими веселыми глазами, – Вот в карете поедem – я тебе все и расскажу. Ты же богат теперь, наймешь карету? А я с тобою прокачусь до Варшавы, тебе же до Варшавы ехать?
 - До Вены.
 - Дотуда мне не надо. А до Варшавы доеду с тобою, если против не будешь.
 - Вдвоем веселее, – согласилась Бача, – И от разбойников безопаснее.

Они подошли к гостинице, сонный слуга впустил их, и счастливые игроки поднялись наверх, в свои покои. У Бачи сил уже не осталось на рефлексии и сожаления – она упала на кровать, не раздеваясь и не снимая сапог, и уснула. Выигрыш спрятан был в ее наряде так хорошо, что и захоти принц в изгнании его стащить – руки бы не достали. Впрочем, принц и не думал покушаться на Бачин выигрыш. Когда шли они по коридору, он разглядел приоткрытую дверь губернаторского номера, в котором не было света. «Вот к кому в гости стоит наведаться» – рассудил Герасим Василич. Он справедливо полагал, что соседка-миллионщик еще гуляет где-то в обнимку со случайным своим солдатом, а номер с миллионами в нем – стоит открыт. Сам бог велел. Герасим Василич подошел к подоконнику, откинул салфетку с припасов, доел пирог, допил выдохшееся за ночь пиво, и оглянулся на мирно сопящего во сне соседа.

- Вот и спи, красавчик, – прошептал он тихо, – а я погуляю.

Герасим Василич выскользнул за дверь, прокрался, озираясь, по коридору до губернаторской двери и текуче скользнул в номер. В номере, озаренном луною, все вещи были хаотически разбросаны, словно воры здесь уже побывали, и явственно пахло перегаром. Принц-грабитель собрался было удрать, но пригляделся – на роскошной губернаторской, с бомбошками и пологом, кровати, лежало безжизненное тело и, судя по всему, вполне себе мирно почивало. Герасим Василич прокрался по комнате – раскрытый багаж манил его несказанно. Герр Диглер еще в заведении Паливца был пьян в дымину – сейчас он, похоже, и вовсе спал мертвым сном, и вряд ли даже нападение гусарского эскадрона способно было его пробудить. Цель была совсем близка, и принц воров протянул уже руку к ближайшему из саквояжей – от кровати послышался то ли лязг, то ли клацанье. Герасим Василич повернул голову и взглянул на кровать, и на человека на ней – с нового ракурса. Ужас сковал горе-грабителя. У лежащего на кровати было словно два раскрытых рта – один там, где у всех, и один пониже, на шее. Собственно, человек на кровати вовсе не был миллионщиком Диглером, был он здоровее и темнее, и лунный свет позволял разглядеть его расстегнутую солдатскую форму, и закрученные темные усы, и раскрытые мертвые глаза. Лязг повторился – шел он от ножки кровати. Постоялец губернаторского номера, певец и миллионщик Диглер, сидел на полу возле кровати, совсем как недавно испанец Оскура. Он так же прислонялся спиной к столбику кровати и так же обхватывал бледной тонкой рукой колени – матово-белые в свете луны. Герасим Василич решил было, что лязгают зубы, но пригляделся – на господине Диглере был атласный шлафрок, раскрытый, и под ним из одежды – лишь странный набедренный пояс, вроде тех, что носят цирюльники, и на поясе том рядочком висели бритвы, и одну из них, белую и блестящую, Диглер держал в руке. Она и лязгала у него, складываясь и раскрываясь – он машинально ею играл. Диглер следил

за воришкой своим странным стеклянным взглядом – без страха, без гнева, без любопытства. Герасим Василич еще подивился – как он сослепу не заметил его, душегуба проклятого, возле кровати, и как проглядел лужу черной крови, налившуюся на пол из перерезанного горла.

– Уже уходишь? – спросил Диглер у гостя ласковым шепотом.

– Желаете, чтоб остался? – нашелся бестрепетный Герасим Василич. Ужас его прошел, он понял постепенно, что случилось в губернаторском номере и почему, и догадался, что миллионщик-душегубец сейчас боится еще больше его самого, и вряд ли позволит воришке уйти из номера живым. Но бесстрашная, гениальная идея забрезжила в голове принца-грабителя, и он удержал мертвящий взгляд своего собеседника, указал на тело на кровати и как ни в чем не бывало спросил:

– Он же больше не нужен вам, ваша милость? Правда ведь, не нужен?

Черный лоя и белый табак

Бача проснулась оттого, что ее трясло. Спросонья пригрезились ей гайдуки Безумного Фрици, настигшие жертву в гостинице Волковыска.

– Вставай, красавчик! – звал Гера Копчик, – В карете выписся! Дело есть, срочное, на миллион!

Бача открыла глаза. За окном чуть светало, Гера стоял над нею с огарком в руке и манил:

– Пойдем со мной, в губернаторский, помощь твоя нужна.

– Что случилось? – зевнула Бача.

– Фон Диглер, певун наш, солдата ночью до смерти отлюбил, теперь, как с твоим товарищем – повезем его к лекарю, за город. Солдата, само собой. Я за телегой, а ты с убийцем посиди, чтоб он не дурил.

– Вот радость-то, – Бача встала с постели, потянулась и пошла за своим принцем – по большей части из любопытства. Зловещий певец, тянувшийся к ней с поцелуями в заведении Паливца, вдруг оказался еще и убийцей. Забавно. Бача в тот момент рассуждала, сама того не ведая, почти как Герасим Василич. Беги – сердце подскажет тебе, куда бежать, ты только беги.

В губернаторском номере горел ночник, кровь была заботливо подтерта. Диглер уже запахнул свой щегольский кокетливый шлафрок и покойника прикрыл простыней – на белом проступила жуткая кровавая улыбка. Бритву он спрятал, и выглядел суровым и трезвым.

– Я за телегой, – пообещал Герасим Василич и убежал.

– Он кто? – спросил у Бачи Диглер, без всякого стеснения присаживаясь на кровать, у трупa в ногах.

– Бог весть. Похоже, черный копатель. Мы с ним день как знакомы, – честно отвечала Бача.

– А-а, – протянул разочарованно Диглер и закинул ногу на ногу. Бача вопреки собственной воле смотрела на его голые ноги – похоже, он брил их, такие они были мраморно-гладкие, кажется, в них даже что-то отражалось. На белоснежной коленке лежал медовый отсвет ночника. Миллионщик-содомит... Впрочем, после содеянного в ночи душегубства герр Диглер утратил к Баче весь интерес, смотрел в сторону и чуть вверх, и безмятежно зевал.

– Вы едете в Вену, герр Диглер? – спросила Бача. Белокурая бестия повернула к ней изящную голову:

– Желаете напроситься в попутчики? Воспользоваться бедственным моим положением?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.